

Бай Цзинь выглядел совершенно безразличным:

— Подумаешь, разве сейчас всё не прошло успешно? Нужно же уметь импровизировать на ходу, верно? К тому же, неужели тебе хотелось сидеть там, чтобы на тебя пялились, как на большую панду? Во всяком случае, у меня такого желания нет. Особенно когда эти люди называют меня супругой.

Последние два слова он произнес с таким выражением, будто скрежетал зубами, и добавил:

— Супруга Цзинь, чтобы в следующий раз — и больше никогда.

Ци Жун: «...»

Он, конечно же, знал, что Бай Цзинь терпеть не может это прозвище, и уже собирался объясниться, но собеседник с самым беззаботным видом напомнил:

— Разве у нас не осталось важных дел? Пора отправляться.

На самом деле Ци Жун не стал посвящать его в детали того, что именно они будут делать, сказав лишь, что они должны тайком ускользнуть, создав при этом видимость, будто оба по-прежнему находятся на военном корабле. А поскольку этот генерал-майор Ци издавна славился исключительным усердием, стоило ему пропасть хотя бы на день, как у окружающих возникали подозрения, а значит, требовалось веское оправдание. Задобрить жену или поваляться в постели — оба вариантагодились идеально.

Теперь же, когда спектакль был сыгран до конца, пришло время уходить.

Ци Жун быстро собрал вещи, завел Бай Цзиня в меху, включил режим скрытности и тихонько отбыл раньше времени.

Лишь в этот момент камень, давивший на сердце Ци Жуна, сдвинулся наполовину. Он вывел Линфэн на максимальную скорость, сохраняя предельное напряжение. Бай Цзинь заметил это, но докучать расспросами не стал, а вместо этого принялся самостоятельно изучать внутреннее устройство меха.

Вообще-то прежний владелец тела тоже бывал внутри мехов — то ли класса С, то ли класса D, он уже и не помнил, но в любом случае с Линфэном те машины не шли ни в какое сравнение. Мало того, что они не обладали искусственным интеллектом, так и сборка оставляла желать лучшего. К тому же они вмещали лишь одного пилота, а если требовался еще кто-то, пассажиру приходилось ложиться сзади — то местечко оставляли для раненых, запросивших эвакуацию с поля боя.

Впрочем, именно так и выглядели боевые мехи в нормальном состоянии. Двухместных машин вроде Линфэна, если подсчитать, на всю империю набиралось всего несколько штук.

В конце концов, по сравнению с военными кораблями главным преимуществом мехов были миниатюрность и маневренность. Но чем меньше становилось устройство, тем сложнее оказывалось с ним возиться: требовалось и всевозможный функционал установить, и энергетические плиты разместить, да еще и пилота усадить. Одноместная кабина и двухместная — это совершенно разные технологии, да и материалы использовались непохожие.

И всё же, ему безумно хотелось разобрать его и изучить изнутри.

Бай Цзинь сверлил мех таким жгучим взглядом, что Линфэн едва не забился в ознобе. К счастью, у меха отсутствовала подобная функция, иначе кто знает, возможно, в этот момент он выписал бы в воздухе зигзаг.

Они мчались к Столичной Звезде по прямой, и у них даже не оставалось времени на подзарядку Линфэна — вся энергия чертилась исключительно из захваченных с собой пластин. Посреди пути поступил входящий вызов, и Бай Цзинь, бросив на экран беглый взгляд, сразу узнал того самого адъютанта Ци Жуна, который ранее представлял их в ресторане.

К тому моменту уже наступил вечер следующего дня.

Адъютант доложил:

— Докладываю генерал-майору: как вы и предполагали, действительно объявились звездные пираты. На данный момент они полностью уничтожены, а выжившие арестованы. Что же до вашего отсутствия, то после трансляции той записи никаких подозрений у подчиненных не возникло.

— Отлично, продолжай наблюдение, — бросил Ци Жун и оборвал связь.

Бай Цзинь остро почувствовал, что тот снова наполовину расслабился, но стоило ему подумать о чем-то другом, как он опять натянулся, словив струну. И во взгляде его читалось не столько сосредоточенное раздумье, сколько тревога — казалось, он панически боится не успеть. Бай Цзинь от природы отличался легкостью нрава и сдерживаться не стал: взметнув брови, он прямо спросил:

— Чего ты вообще боишься?

— Я не боюсь, — отозвался Ци Жун.

Бай Цзинь насмешливо фыркнул:

— Руки чуть ли не трясутся, и это называется не боится? Что такое, боишься, что я тебя снова пырну?

Линфэн мгновенно насторожился, но Ци Жун лишь задал программу автопилота, зажмурился

и долго приходил в себя, прежде чем произнести:

— Я боюсь, что не успею вернуться назад, и дед...

Стоило только сделать первый шаг, как дальше слова полились куда легче. Правда, формулировать мысли всё еще давалось с трудом — ведь о переселении душ и новом рождении распространяться было нельзя. Пока генерал-майор ломал голову над тем, как бы всё объяснить, Бай Цзинь уже произнес:

— Ты боишься, что кто-то причинит деду вред.

Сказано это было с такой уверенностью, а само слово дед сорвалось с его губ так естественно...

Ци Жун подумал про себя: дело вовсе не в том, что кто-то мог навредить старику — просто в прошлой жизни его дед не дожил до того момента, когда он вернулся.

Из-за заминки со звездными пиратами они потеряли драгоценное время, и дед с внуком так и не увиделись в последний раз. Именно поэтому сейчас Ци Жун сбежал тайком и мчался на предельной скорости. К тому же, подгоняемый каким-то смутным предчувствием, он не посветил в свои планы никого, кроме верного адъютанта Мо.

Но поскольку всё это напрямую касалось перерождения, говорить об этом было нельзя, и оставалось лишь плыть по течению вслед за догадкой Бай Цзиня, задав ему встречный вопрос:

— Почему ты не спрашиваешь, с чего бы вдруг?

— А с чего бы еще, — Бай Цзинь откинулся на спинку сиденья и лениво протянул: — Единственный во всей империи обладатель двойной S-категории духовной силы, чей квантовый зверь к тому же является драконом. Хотя на дворе давно межгалактическая эра, к институту императорской власти здесь до сих пор применяют те же лекала, что и в древнем Хуаго — вон даже трон называют драконьим.

Ци Жун закрыл глаза. Как же просто, почему же в прошлой жизни он этого не разглядел?

Мало того, что имелись эти два обстоятельства, так он еще и умудрился разгромить зергов — подвиг, которого на протяжении нескольких тысяч лет не удавалось совершить никому, не говоря уже о том, что в его подчинении находилась целая армия. Если бы не он подвергался подозрениям, то кто тогда? Не успел Ци Жун погрузиться в мысли, как Бай Цзинь продолжил:

— Кроме того, твои родители уже погибли, сам ты пока всего лишь генерал-майор, а на плечах у клана Ци остался один-единственный дед, который держит всю армию на плаву.

Чтобы расправиться с кланом Ци, достаточно было устранить маршала Ци — и тогда оставшегося в одиночестве генерал-майора Ци можно было смять без всякого труда, разве не

так?

В те годы, когда сам Ци Жун был в этом возрасте, он совершенно ничего подобного не понимал. Он умел лишь вести за собой войска и сражаться, в вопросах же человеческих интриг и расчетов от природы отставал на полшага, да к тому же брезговал подобными методами. Если бы не это, он бы не скатился впоследствии до такого жалкого конца. Ему казалось, что его положение маршала непоколебимо, раз армия предана ему, то никто ничего не сможет с ним поделаться. Он наивно полагал, что если будет усердно сражаться и служить отечеству, император станет ему доверять.

И в итоге... в итоге... в итоге все закончилось именно так, да еще и Бай Цзиня погубил.

Стоило ему вспомнить ту сцену, где Бай Цзинь прижимает его к себе, идя на верную смерть, как в сердце Ци Жуна поднималось море отчаяния. Эта давящая атмосфера передалась и Бай Цзиню, заставив того почувствовать себя не в своей тарелке. Не вынося подобного зрелища, он попытался сменить тему, чтобы заставить мужчину думать о чем-нибудь другом. Вот только он привык вести себя развязно, и с его языка тут же слетели шуточки о любовных делах. Он не преминул вспомнить ту молоденькую ЦИН И И, которую они повредили всего день назад:

— Кстати, кажется, та девчушка к тебе равнодушна? Я заметил, у нее уголки глаз покраснели, должно быть, она смертельно опечалена.

Ци Жун: «...»

Все накопившиеся негативные эмоции в один миг превратились в кислую ревность:

— С какой стати ты так внимательно следишь за чужими девушками? Не забывай, что ты вообще-то скоро женишься.

— Ого, — усмехнулся Бай Цзинь. — Тот, кто не знает, подумал бы, что это Цинь И И — твоя тайная воздыхательница, а тот, кто знает — решит, будто между мной и ней что-то есть. До чего же странно ты выражаешься.

Просто сущая бестактность. Неужели...

— Ты что, и вправду к ней равнодушен и боишься, что я пойду трепать ей нервы?!

Ци Жун: — Чего ты мелешь за глупости?

Просто... он просто... он просто вспомнил события прошлой жизни, и на душе у него скребли кошки.

Тогда из-за его натянутых отношений с Бай Цзином подчиненные с обеих сторон тоже взаимно друг друга недолюбливали. Но в один прекрасный день ему потребовалось отправить кого-то на

защиту этого человека, и он, перебирая кандидатуры, остановил выбор на самой мягкотелой по характеру Цнь И И. Он рассудил, что хоть эти двое и не станут жить душа в душу, по крайней мере, до драки дело не дойдет.

Кто же мог подумать, что до драки-то и вправду не дойдет, но по окончании миссии эта девица по фамилии Цинь «изменит свои пристрастия и восплает глубокой страстью»?

В прошлом она была его фанаткой и поклонницей, которая вступила в армию клана Ци исключительно ради него. А в итоге всего за один месяц она возвела Бай Цзиня в ранг кумира, оставив самого Ци Жуну пылиться в забытом углу.

Но разве можно было выложить всё это Бай Цзиню? Оставалось лишь стиснуть зубы и проглотить обиду, проходя через лютую внутреннюю бурю.

Глава 7

В прошлой жизни Ци Жун едва не успел повидаться с дедом, но в конце концов опоздал. Именно поэтому на сей раз он покинул военный корабль, в одиночку ухватившись за мех и срезая путь. Не смыкая глаз трое суток подряд, он все же добрался до Столичной Звезды на два дня раньше срока. Не говоря ни слова, он напрямую направился в больницу, где лежал старый маршал.

Дорогу ему уже подсказали ранее, сообщив и о тяжелом состоянии маршала Ци, и о названии клиники.

Однако даже те, кто передал весть Ци Жуну, никак не ожидали, что он вернется настолько стремительно.

— Моло... молодой господин, как это вы вер... вернулись? — дворецкий Ци Чанцзай, прослуживший при дедушке всю свою жизнь, торопливо шагнул ему навстречу. — Вы же говорили, что понадобится еще два дня, почему...

— Дедушка болен, я разволновался и приехал раньше, — бросил Ци Жун на ходу и, не замедляя шага, устремился прямо к палате.

Ци Чанцзай семенил следом, внешне сохраняя невозмутимость, но внутри него бушевало крайнее раздражение. Почему никто не предупредил его? До чего же ничемными оказались те люди — они даже не заметили, как Ци Жун сорвался с места раньше времени. Обуреваемый дурными предчувствиями, дворецкий и не подозревал, что оба идущих впереди человека прекрасно видят каждый его шаг.

И впрямь всё обстоит именно так, мысленно констатировал Ци Жун.

После смерти деда в прошлой жизни он проявил к этому старому слуге, столько лет отдавшему клану Ци, величайшую щедрость и слепое доверие. И в конце концов, именно этот старый дворецкий помог тем людям подставить его. Тогда он ничего не замечал, но теперь становилось очевидно, что тревожные звоночки звучали давным-давно — просто из-за слепого доверия он даже не допускал подобных мыслей.

По правде говоря, обычно Ци Чанцзай маскировался безупречно. Потерять самообладание и выдать себя хоть капелькой подозрений его заставило лишь излишне внезапное возвращение молодого господина!

В глубине души Ци Жун жаждал немедленно выволочь его наружу и пустить в расход, однако сейчас это было невозможно. Ни эта Лань Ин, ни Ци Чанцзай не являлись главной заботой текущего момента. Увидеть деда — вот что стояло на первом месте, а со всем остальным можно было разобраться не спеша.

Замер перед дверью палаты, Ци Жун на секунду прикрыл глаза, после чего толкнул ее.

Помимо лежавшего на больничной койке деда, внутри находился еще один человек — мужчина средних лет в парадном костюме. Заметив его, Ци Жун слегка поморщился, но все же сдержанно поприветствовал:

— Министр Бай.

Это обращение в сочетании с воспоминаниями прежнего владельца тела позволили Бай Цзиню без труда сообразить перед ним тот самый никчемный и бессердечный папаша. Губы парня изогнулись в насмешливой улыбке, он бросил на мужчину беглый взгляд и тут же отвел глаза.

Бай Цижун вскипел от бешенства:

— Совсем потерял манеры? Даже не соизволил поздороваться, увидев старших!

Он всегда презирал этого младшего сына, но раньше тот при встрече хотя бы оказывал подобающее почтение. Что же произошло теперь, раз он перестал ставить его ни в грош? Подобное неуважение казалось Бай Цижуну совершенно невыносимым, и он тут же сорвался. Полагая, что этот сын хотя бы немного его испугается, он ожидал соответствующей реакции, но...

Бай Цзинь не только не выказал ни малейшей растерянности или страха, но даже прислонился спиной к стене и с развязным, лишенным всякой пристойности видом протянул:

— И впрямь никаких манеры. Отец бросил, мать не воспитала — что такое эти ваши манеры, их вообще едят?

Бай Цижун окончательно взорвался и уже собирался устроить скандал, как вдруг наткнулся на тяжелый взгляд Ци Жуна.

— Деду нужен покой, — холодно произнес тот.

При этих словах у Бай Цижун пропало всякое желание продолжать буйство. В конце концов, он мог позволить себе плевать на Ци Жуна, но к маршалу Ци он обязан был относиться с уважением. Даже если тому оставалось жить считанные дни, устраивать публичные разборки в больничной палате было нельзя — слухи разнеслись бы такие, что показаться на людях стало бы стыдно.

Он собирался уже взмахнуть рукавом и удалиться, но напоследок счел нужным бросить маршалу Ци:

— Раз Сяо Жун прибыл, пообщайтесь с внуком, а я пока выйду.

Уже у самой двери он зыркнул на Бай Цзиня:

— Ты не собираешься идти за мной?

Бай Цзинь продолжал стоять у стены, не сдвинувшись с места ни на дюйм.

Зато подал голос Ци Жун:

— Дедушка тоже хочет повидать Сяо Цзиня.

Лицо Бай Цижун исказилось от гнева, но ему пришлось уйти в одиночестве. На пороге он услышал наглый смех собственного младшего сына, отчего внутри него вспыхнуло еще большее пламя. Тем временем в палате царило преисполненное радости настроение — Бай Цзинь наслаждался моментом:

— Зуб даю, ему безумно хотелось хлопнуть дверью так, чтобы стены затряслись, жаль только, что мы в больнице.

Больничные двери изготавливали по специальным технологиям, и сколько ни прикладывай усилий, громкого звука добиться не удавалось — все делалось ради того, чтобы не тревожить покой пациентов.

Вдоволь насмеявшись, Бай Цзинь перевел взгляд на маршала Ци, шагнул вперед и в мгновение ока превратился в образцово-показательного пай-мальчика:

— Здравствуйте, дедушка! Мы с Ци Жуном пришли навестить вас.

Маршал Ци: «...»

Он готов был поклясться, что только что не терял сознание и не предавался снам — неужели этому парнишке обязательно менять маски с такой космической скоростью?!

Тем временем Ци Жун подошел к кровати и, открыв рот, выдавил хриплое:

— Дедушка.

Сначала голос прозвучал ровно, но стоило ему договорить, как глаза у парня покраснели.

Забыв про фокусы с мгновенной сменой лиц в исполнении Бай Цзиня, маршал Ци поспешно перевел взгляд на собственного внука:

— Ты это чего удумал? Твой дед еще не помер!

На памяти маршала Ци внук не плакал даже тогда, когда погибли его родители. Сейчас же стоило глазам покраснеть, как даже закаленный в боях маршал слегка растерялся и попытался отчитать парня суровым тоном:

— Мужчины не роняют слез по пустякам, я тебя чему учил?

Откуда ему было знать, что Ци Жун, воскреснув из мертвых, вновь обрел деда, которого считал погибшим много лет назад, — разве мог он сдержать эмоции?

Вернувшись на этот раз, он, кроме Бай Цзиня, не занимался вообще ничем, думая лишь о том, чтобы поскорее примчаться сюда и увидеть старика в последний раз. И теперь, когда тот был перед ним, камень с души свалился, но на смену ему пришла тревожная спешка — осознавая, что деду осталось жить считанные дни, молодой человек никак не мог совладать с собой.

Зато Бай Цзинь, оказавшийся в этой троице самым невозмутимым, сперва уложил растроганного старика обратно на подушки, а затем сунул в руку младшему носовой платок.

Стоило Ци Жуну утереть лицо, как его глаза, до того лишь слегка покрасневшие, и вовсе наполнились слезами.

— Ты... ты... — Ци Жун едва не сошел с ума. Этот платок оказался щедро пропитан перцовой настойкой!

Однако благодаря этой выходке все грустные и болезненные мысли выветрились из головы напрочь. Бай Цзинь небрежным движением отпихнул его в сторону, уселся на краешек кровати и непринужденно завел беседу со старым маршалом:

— Дед, давайте не будем обращать на него внимания, пусть поплачет всласть, сдерживать эмоции вредно для здоровья.

С этими словами он с видом триумфатора извлек на свет небольшой пузырек:

— Я с большим трудом раздобыл чудодейственное лекарство. Выпейте-ка глоточек, дедушка, гарантирую — как рукой снимет!

Маршал Ци: «...»

Не надо принимать его за старика со слабым зрением: этикетку с флакона даже не удосужились содрать — там черным по белому значилось высококласное успокоительное, пара таких же флаконов валялась у него на прикроватной тумбочке.

И все же, видя, что внука надругались самым бесцеремонным образом, а тот даже не думает злиться или хмуриться и вышвыривать наглеца за дверь... Вдобавок вспомнив, что Бай Цзиня привезли из пограничных звездных систем, где подобные высококласные успокоительные ценились на вес золота. Раз уж это проявление заботы со стороны младшего поколения, то какая разница, настоящее ли это чудо-средство или нет?

Маршал Ци решил подыграть будущей невестке, без возражений принял пузырек и, не испытывая брезгливости, осушил его.

Стоявший неподалеку Ци Жун, только-только остановивший слезы: «...»

У него на лбу запульсировала жилка. Ци Жун отчетливо понимал, что Бай Цзинь несет откровенную чушь с чистой совестью. Чудодейственное лекарство, добытое с большим трудом? Да он просто-напросто выудил его из тайника в собственном мехе! Сказал, что хочет взглянуть, а сам тихонько стащил. И надо же — теперь красуется чужим добром, пытаюсь задобрить его деда!

Ци Жун с ошеломленным видом уже собирался открыть рот, как вдруг заметил, что дед вытаращил глаза и с абсолютным неверием уставился на Бай Цзиня, пробормотав:

— И впрямь чудодейственное?..

После чего он закрыл глаза, отдавшись целительному действию препарата и пытаясь упорядочить царивший в его голове хаос духовной силы.

Ци Жун изумился. Бабушка умерла рано, проводников у них не было, и маршал Ци всю жизнь пользовался лишь успокоительными. С годами у него развилось сильное привыкание, и теперь препараты высшего класса почти не помогали. В конце концов, именно это должно было привести его к гибели от ментального взрыва. По логике вещей, глоток обычного высококласного средства подействовал бы не сильнее стакана кипяченой воды — с чего бы вдруг ему понадобилось закрывать глаза для медитативного контроля?

В этот момент в его памяти вспыхнули воспоминания о будущих прорывах Бай Цзиня в фармацевтике и его выдающихся способностях. Но разве всё это не должно было проявиться лишь спустя много лет? Сейчас юноша вообще не умел ни черта.

Неужели он просто напридумывал лишнего, а дед лишь подыгрывал, чтобы не расстраивать Бай Цзиня? В конце концов, дедушка всегда благоволил этому парню, и даже перед смертью в прошлой жизни завещал им обязательно пожениться.

Вот только когда маршал Ци снова распахнул глаза, Ци Жун понял, что заблуждался именно он — лекарство и впрямь обладало реальной силой. Если при входе духовное состояние старика можно было охарактеризовать не иначе как плачевное, то теперь оно резко скакнуло до отличного. Мало того, голос звучал гулко и звонко, наполненный прежней мощью.

— Прекрасно, просто прекрасно! Поистине чудодейственное зелье! — рассыпался в похвалах маршал Ци.

Ци Жун бросил взгляд на Бай Цзиня. Тот по-прежнему изображал послушного пай-мальчика:

— Раз помогло, значит, я старался не зря.

В мыслях же парень отмечал, что его предположения полностью подтвердились.

Хотя после перемещения духовная сила и квантовый зверь нового тела остались прежними, собственные уникальные навыки никуда не делись. Он по-прежнему мог управлять силой духовного сознания, да и первородные ресурсы прихватил с собой. А тем средством, что поставило маршала Ци на ноги, оказался его собственный сок кактуса, причем добавленный в мизерном количестве — буквально одна крошечная капля.

Отправляясь сюда, он еще не был уверен, стоит ли экспериментировать. В конце концов, Ци Жун хоть и молчал, но маршал Ци дураком не был, и обман легко мог вскрыться. Однако отношение старика к нему оказалось на редкость благожелательным, а выпитое зелье воспринималось как добрая забава младшего поколения — нельзя было не признать, что в глазах Бай Цзиня старик заработал огромный плюс.

Раз так, то позволить этому человеку прожить еще несколько лет, чтобы иметь за спиной надежную опору, было вполне неплохой идеей.

Сам же маршал Ци, еще недавно искренне веривший, что его дни сочтены, обнаружил себя на пороге неожиданного исцеления — как тут было не радоваться?

Если бы не превосходная звукоизоляция больничной палаты, соседи по коридору и дежурные медсестры давно бы прибежали с жалобами на слишком громкий смех пациента.

— Прекрасно, пусть полного восстановления не произошло, но пару лишних лет я точно протяну. Не то что ваша свадьба — глядишь, и до правнуков доживу!

Маршал Ци никак не ожидал от лекарства такого сногшибательного эффекта. Никакое это не высокочеловеческое успокоительное — в такой скромный флакончик могли запечатать лишь какое-то поистине легендарное зелье.

Похоже, прав был мальчишка Бай Цзинь, заявив, что достал его с огромным трудом — по крайней мере, при всем своем влиянии и возможностях в масштабах всей империи ему еще не

доводилось встречать ничего подобного.

Он и раньше относился к Бай Цзиню вполне благосклонно, а теперь проникся к нему еще большей симпатией.

И лишь Ци Жун застрял посреди палаты с полным ртом невысказанных слов, не зная, с чего вообще начать.

Все эти дни он неотлучно находился рядом с Бай Цзинем, и у того не было ни времени, ни ингредиентов для приготовления каких-либо составов, да и при себе никаких зелий не имелось. Ци Жун мог поклясться, что тот злосчастный флакон с успокоительным принадлежал ему самому, и парень лишь повертел его в руках да понюхал, не совершая никаких манипуляций!

Если бы не багаж воспоминаний из прошлой жизни, Ци Жун всерьез засомневался бы, не мутировал ли случайно флакон с лекарством, хранившийся в его кармане.

Почувствовав его взгляд, Бай Цзинь повернулся к нему и с тем же бессовестным выражением лица протянул:

— Что, чувствуешь, что теперь любишь меня еще сильнее?

Ци Жун: «...»

Глава 8

Маршал Ци лег в больницу исключительно из-за ментального срыва, но теперь, когда он принял «чудодейственное лекарство» от Бай Цзиня, отпала всякая необходимость оставаться в палате. В конце концов, здешняя медицина всё равно не могла излечить первопричину его недуга, предлагая лишь временное облегчение. По большому счету, возможности местных врачей не дотягивали и до десятой доли того эффекта, что принесла капля зелья Бай Цзиня.

Настроение прекрасное, дух бодр — маршал Ци вознамерился немедленно выписаться.

Две пробирки с успокоительным высшего класса, валявшиеся на тумбочке, Бай Цзинь походя прихватил с собой, откупорил одну, принялся, заткнул обратно и принялся за вторую. Ци Жун подумал про себя, что этот парень и впрямь безумно увлечен фармацевтикой и обожает проводить исследования, не зря в будущем он добился столь грандиозных успехов. Маршал Ци, не ведая о подобных тонкостях, с улыбкой проговорил:

— Раз нравится — забирай, играйся. Только учти: если часто открывать этот препарат, целебные свойства могут выветриться.

Истинный маршал империи — до чего же широк жест! На его месте любой другой уже трясся бы от жадности, не позволяя младшим бесцельно крутить дорогие лекарства в руках.

Это окончательно убедило Бай Цзиня в том, что дед с внуком относятся к нему искренне. Сам же он издавна придерживался простого правила: если люди добры к нему, он отвечает им тем же.

<http://bllate.org/book/21268/2155099>